

Библиотека
психоанализа

Жерар
Швек

Д обровольные галерщики

*Очерки о процессах
самоуспокоения*

Библиотека психоанализа

Жерар Швек

**Добровольные галерщики. Очерки
о процессах самоуспокоения**

«Когито-Центр»

УДК 159.92
ББК 88

Швек Ж.

Добровольные галерщики. Очерки о процессах самоуспокоения /
Ж. Швек — «Когито-Центр», — (Библиотека психоанализа)

Некоторые люди кажутся добровольными рабами из-за навязчивого повторения одного и того же действия, которое не дает им возможности думать и мечтать. Они сами вынесли себе приговор – стать добровольными галерщиками. Книга Жерара Швека посвящена психоаналитическому осмыслению случаев терапии взрослых, демонстрирующих компульсивное влечение к смертоносному навязчивому повторению, а также детей, чье психическое функционирование чем-то напоминает поведение взрослых «галерщиков». В своем анализе автор опирается на экономическую теорию Фрейда и метапсихологические концепции ведущих представителей Парижского института психосоматики, развивая при этом собственное видение проблемы, прежде всего, в отношении роли самоуспокоительных приемов для уменьшения возбуждения, связанного с травматической реальностью.

УДК 159.92
ББК 88

© Швек Ж.
© Когито-Центр

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Самоуспокоительные приемы, использующие навязчиво повторяющийся поиск возбуждения (Добровольные галерщики)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жерар Швек
Добровольные галерщики. Очерки
о процессах самоуспокоения

Gerard Szwec

LES GALÉRIENS VOLONTAIRES

ESSAIS SUR LES PROCÉDES AUTOCALMANTS

Перевод с французского Г. Рошкэняну, Е. Давид

Научный редактор кандидат медицинских наук *Л. И. Фусу*

© Presses Universitaires de France

© Когито-Центр, 2015

Предисловие

Некоторые люди кажутся добровольными рабами из-за навязчивого повторения одного и того же действия. Они как бы находятся по ту сторону принципа удовольствия, околдованные своей собственной оператуарной роботизацией. Иногда они посредством повторения пытаются преодолеть ситуацию краха или отчаяния, к которой тем не менее компульсивно возвращаются и продолжают свои действия вплоть до изнеможения. Они гребут, бегут, плывут что есть сил, затем начинают все снова. Эта повторяющаяся до отвращения деятельность не дает им возможности думать и мечтать. Она уже давно является лишь привычным повторением стереотипного поведения, не допускающего ни передышки, ни отдыха. Они сами вынесли себе приговор – стать добровольными галерщиками.

Некоторые из них приходят на кушетку психоаналитика, но сопротивляются психоаналитической терапии, поднимающей трудные жизненные вопросы. Именно после встречи с несколькими такими пациентами у меня возникла идея написания этой книги. Теоретические концепции, которые я здесь излагаю, сформировались в ходе моей психоаналитической практики как со взрослыми, так и с детьми, чье психическое функционирование чем-то напоминает поведение взрослых «галерщиков».

Мы увидим, что эти пациенты подвержены соматическим нарушениям больше, чем другие, и в настоящей работе это стало одной из тем моих размышлений.

Ориентирами в моем подходе к изучению тех, кто превращается в галерщиков, были экономическая точка зрения и фрейдовская теория влечений. В этой работе мы увидим, как компульсивное влечение к смертоносному навязчивому повторению используется в приемах самоуспокоения, применяемых некоторыми из галерщиков, когда они пытаются уменьшить возбуждение, но их собственные защиты с этим не справляются, и тогда они начинают искать другой источник возбуждения.

Переживание опасности также может использоваться как способ самоуспокоения. Возможно, существуют и другие побудительные причины находиться на грани смерти, например, когда детская травматическая реальность, которую пациент старается повторить, становится источником возбуждения, а ее переживание пробуждает целый букет влечений, или когда игры со смертью выглядят как средство борьбы с разрушительной депрессией.

В этой работе я буду ссылаться на метапсихологические концепции, предложенные другими психоаналитиками, которые кажутся мне более или менее близкими к клинике добровольных галерщиков. Это работы Мишеля де М'Юзана, описавшего «рабов количества», Жана Курню, исследовавшего «опустошенных и сломленных», и Андре Грина, изучившего широкую группу пограничных состояний.

Несмотря на то, что по некоторым пунктам, например влечения к смерти, я придерживаюсь другой точки зрения, основой для меня была психосоматическая теория Пьера Марти. Больше всего в разработке моей теории я обязан работам Мишеля Фэна; в частности, предложенное им различие между спокойствием и удовлетворением было отправной точкой моих исследований о самоуспокоительных приемах. В последние годы работы над книгой мне очень помогло тесное личное общение с Мишелем Фэном и его одобрение моего труда.

После того, как в 1992 году на конференции Парижского института психосоматики мы вместе с Клодом Смаджа описали самоуспокоительные приемы, я продолжил свои размышления над этим явлением. Меня все больше интересовало его клиническое исследование и его осмысление в контексте психосоматической теории и психоанализа. Я старался углубить понимание того, каким образом самоуспокоительные приемы способствуют аннулированию неудач психического связывания и краха формирования репрезентаций прежней травмы.

Мне хотелось бы проследить тот путь, которым идут эти добровольные галерщики. Первую главу книги составляет доклад на тему самоуспокоительного поведения, представленный мною на мероприятии по случаю дня Парижского института психосоматики. В последующие главы включены другие исследования, которые я объединил в этой книге. Я скрупулезно сохранил хронологический порядок написания текстов, работа над которыми продолжалась в течение шести лет.

Глава I. Самоуспокоительные приемы, использующие навязчиво повторяющийся поиск возбуждения (Добровольные галерщики)

1

Область самоуспокоительных приемов достаточно обширна. Я ограничусь описанием лишь тех из них, которые используют повторяющийся поиск возбуждения. То, что мы называем расслаблением, достигается посредством моторики или перцепции и превращается, в частности, в поиск физического страдания, иногда даже доходящего до травматизма. В других случаях достижение спокойствия ожидается от истощения тела посредством механического, автоматического поведения с бесконечным повторением однообразных действий. Люди, использующие подобные приемы, достигают временного спокойствия, но не удовлетворения. Они замыкаются в системе навязчивого повторения, которая никогда не приносит удовлетворения.

Галера

Для начала следует обратить внимание на слова, сказанные Жераром Д'Абовиллем сразу после того, как он, наконец, причалил к берегу, завершив свой переход через Тихий океан на веслах: «Я прибыл из другого мира <...>, сейчас я нахожусь перед страшной пустотой. Я даже не смею закрыть глаза и вспомнить то, что я пережил. Это был настоящий ад»².

В газетных публикациях, посвященных его подвигу, часто звучит один и тот же вопрос. Он касается причин, которые могут подтолкнуть человека к тому, чтобы стать добровольным галерщиком.

Существует много разных добровольных галерщиков, поведение которых вызывает жгучий интерес: марафонцы, танцоры или спортсмены, практикующие интенсивные тренировки. Цель совершить подвиг часто маскирует иные, более скрытые цели, которые достигаются посредством повторяющегося напряжения тела и чувств, и через это напряжение они возвращаются к спокойствию, как и в других случаях применения самоуспокоительных приемов.

Я хочу проиллюстрировать свои слова примером одиночных гребцов-мореплавателей, а также случаем одного подростка, Рокки, который выбрал для себя другой вид галеры. Он не гребет, а в любую свободную минуту играет на ударных инструментах. Он уже два года проходит у меня психотерапию, и в течение этого срока я наблюдал за проявлениями его самоуспокоительного приема. Через два года я зафиксировал его эволюцию к другим сублиматорным функциям, что означает, что его самоуспокоительный прием как таковой сошел на нет.

Итак, я расскажу историю этого странного приема самоуспокоения и смогу обсудить его *экономическую роль и динамику*, определив его место между теми функциональными модальностями, которые предшествовали ему, и теми, которые за ним последовали.

¹ «Идентичное» повторение, при котором отсутствует какая-либо проработка травмы, Ж. Швек и М. де М'Юзан отличают от «сходного» повторения, при котором отмечается, пусть и минимальное, движение к проработке. – *Прим. пер.*

² Выдержки из высказываний одиночных гребцов взяты из газеты «Libération» от 22 ноября 1991 года.

Тяжелое травматическое состояние

Рокки привели ко мне в возрасте четырнадцати лет. В школе он испытывал серьезные проблемы. После того как он несколько раз оставался на второй год, его исключили из обычного школьного цикла и он стал ходить в школу для детей с нарушениями в развитии.

В соматическом плане он на протяжении нескольких лет страдал сильными мигренями и болями в животе, в восьмилетнем возрасте перенес инфекционный мононуклеоз, и в том же году ему была сделана операция по удалению аппендицита. У него наблюдались довольно частые и продолжительные лор-заболевания, ангины, он часто болел гриппом.

На первом плане его симптоматики находилось функционирование, близкое к травматическому неврозу, который мог возникнуть вследствие автомобильной аварии, в которой в возрасте пяти с половиной лет погибла его старшая сестра.

Ему тогда было всего три года, тем не менее он говорит, что запомнил многие детали этой аварии. Его навязчиво преследует картина, когда в состоянии шока от сильного удара его выбрасывает через дверцу автомобиля, в то время как сама машина опрокидывается на бок. Эта сцена является настоящим дневным, а также, возможно, ночным кошмаром, потому что он очень часто просыпается посреди ночи в состоянии отчаяния, причину которого не понимает. Он рассказывает об аварии, приводя и другие многочисленные детали, часть которых, безусловно, запечатлелась в его памяти. Он четко видит машину, которая выскочила перед ними на повороте. За рулем сидела его мать. Она получила многочисленные раны лица. Трое детей, среди которых был и он, сидели на заднем сиденье. Рокки находился слева.

Он получил раны волосистой части головы, которые требовали наложения швов. Его двухлетний брат сидел посередине. Он остался невредимым. Его сестра, находившаяся справа, умерла вскоре после аварии. Рокки выбросило через дверцу автомобиля, которая открылась с его стороны. Именно это мгновение он и видит снова и снова. Минуты, которые последовали за этим, более расплывчаты и размыты в его воспоминаниях. Но затем он вновь четко видит себя лежащим наверху какого-то откоса. Он также помнит, как ехал в карете «скорой помощи» вместе с матерью, склонившейся над его сестрой.

В его рассказе некоторые воспоминания, безусловно, искажены в попытке уменьшить их травматическое влияние. Например, когда он описывал созерцание самого себя как бы глазами своей матери в застывшей, остановленной сцене, возникало ощущение некоторого искажения. Это относится к таким моментам его воспоминаниями, когда он лежит после аварии на откосе или едет в машине «скорой помощи». Этими картинками он восполняет ту пустоту, которую оставили в его памяти вытесненные репрезентации.

Другие воспоминания, наоборот, исходят из непосредственного восприятия травмы, полученной в возрасте трех лет, которая, похоже, продолжает оставаться такой же активной и в четырнадцать лет. Пережитый травматический опыт, вероятно, прошел через период латентности, но так и не стал объектом успешного вытеснения. Прежде всего, это воспоминание момента выброса через дверцу машины, которое повторяется снова и снова.

Травматическое состояние проявляется также в психическом истощении и в своеобразном навязчивом поведении. Рокки, как выяснилось, все свое детство играл в игру, которая состояла в том, чтобы бесконечно провоцировать аварию, сталкивая две маленькие машинки. Этой игре так и не удалось связать травматизм, было достигнуто лишь незначительное смещение, при том что она мало способствовала символизации, поскольку повторяла аварию почти без изменений в том виде, в каком та запечатлелась. Эта игра выступала скорее как симптом травматического невроза, как повторение аварии, а не просто как детская игра.

Часть событий, произошедших во время аварии, похоже, выпала из поля непосредственного запоминания и психической обработки, или, проще говоря, была лишена возмож-

ности генерации новых репрезентаций, способных устанавливать связи с другими репрезентациями, уже созданными или будущими. Вместо этого образовался психический сектор с несвязанными репрезентациями, функционирующий, скорее, в регистре непреодолимого влечения к повторению в соответствии с модальностями травматического невроза. Воспоминание о выбросе через дверцу машины стало повторением травматического невроза аварии, и это повторение заменяет вытеснение в бессознательное и продукцию латентных мыслей.

Отсутствие интеграции этого травматического сектора и прерывание цепочек репрезентаций характеризует наши с Рокки отношения в начале психотерапии, очень скудные и очень банальные.

Редкие сны, о которых Рокки мне рассказывал в начале лечения, несли на себе отпечаток недостаточности работы сновидения. Они содержали реально пережитые сцены, копировали дневные события.

Чтобы дополнить описание психического функционирования Рокки в этот период, необходимо сказать несколько слов о трудностях обучения. Он не мог освоить правила согласования в английском и французском языках. Данный симптом, возможно, связан с периодом разногласий, отсутствием согласованного мнения родителей касательно их ответственности за тот несчастный случай. Ссоры между родителями проходили на повышенных тонах и продолжались вплоть до рождения замещающей дочки, когда Рокки было восемь лет. Эти ссоры, безусловно, продлили для него первоначальное травмирующее влияние аварии и способствовали сохранению ее травматического груза.

Оказалось, что сложности Рокки в следовании правилам согласования касались не только слов. Они проявлялись во всем и выражались в невозможности установления связей. Так, слово «переменчивый», используемое в географии для обозначения климата, кажется ему непонятным и приводит к резкому истощению мышления. У него возникают сложности со всем, что касается прошлого, например, с историей, а также и с французским языком при согласовании глаголов и причастий прошедшего времени. Ему нравится лишь настоящее время и то, что является неизменным. Тем самым он демонстрирует картину выраженного интеллектуального торможения.

В начале своего курса психотерапии он говорил мало. Он говорил лишь тогда, когда отвечал на вопросы, и это подталкивает меня к применению техники, в которой я предлагаю ему говорить на свободные темы, и я записываю его слова под диктовку. Тогда он начинает рассказывать о том, что только что сделал, но в сильно упрощенной форме. Я был там-то, я делал то-то и то-то. Его слова начисто лишены какой-либо аффективности. Он делает небольшие устные комментарии, которые касаются только фактов, без малейшего фантазирования. Например: «Мы с тем-то приятелем сделали шалаш. Затем мы вернулись домой. Ну, вот и все». Ничего не говорится ни о приятеле, ни о шалаше. Если я настаиваю, он может привести несколько дополнительных деталей. Даже речи нет о том, чтобы позволить себе хоть что-то представить или вообразить.

Воображаемое – это ничто!

Итак, сеансы проходят мучительно. Несмотря ни на что, мы в конце концов находим тему, которая несколько оживляет Рокки. Выясняется, что у него есть сосед, который играет на ударных инструментах, и он часами слушает, как тот репетирует, однако я не знаю, какие мысли посещают его в этот момент. Долгое время он ничего об этом сказать не может. Он начинает играть сам, и родители записывают его на курсы обучения игре на ударных инструментах.

Я прошу его сочинить текст на тему «История одного ударника». Он рассказывает мне следующее:

«В субботу после обеда, после урока игры на ударных, я иду к своему приятелю Джонни. Без двадцати пяти минут четыре мы идем в студию. После часа репетиции он делает перерыв. Он репетирует. Он опять репетирует. Он делает перерыв. Потом мы уходим».

Для него рассказывать – это сообщить мне «где» и «когда», обрамляя свои слова реальным временем и пространством.

Рассказать мне больше о своем приятеле он не может. Для него говорить – значит описывать, а он не может описывать, не видя, не имея поддержки в виде перцептивной реальности. И когда я стараюсь побудить его выразить свои скрытые фантазмы, он говорит мне: «*Воображаемое – это ноль!*». Эта фраза резюмирует все. Он не любит представлять или придумывать, ассоциировать, сближать что-то с чем-то. Он просто прилипает к реальности – вот и все.

Длинное оператуарное соло на ударных инструментах

Упражнения на ударных инструментах приобретут позже непомерно большое значение в его жизни. Они на самом деле замещают собой игру в аварии, которой он увлекался ранее, используя для этого свои маленькие машинки. Рокки упражняется на барабанах часами. Он живет в этом непрерывном шуме. Он отбивает на ударниках ритмы тяжелого рока всякий раз, как только появляется такая возможность, яростно и без нюансов, производя сильнейший грохот бесконечно повторяемыми движениями. Его тренировка (он называет это репетицией) – это как длинное соло на ударниках, занимающее все его свободное время.

Не похоже, чтобы он мечтал об известности или о концерте перед публикой. Он просто играет на ударных инструментах, и это все. Он мало интересуется музыкой и больше похож на одиночного гребца, чем на музыканта. Он производит впечатление человека, отдающего повторяющейся деятельностью в состоянии пустоты оператуарного типа.

На тот момент я охарактеризовал бы его деятельность тремя основными критериями:

- повторяющаяся автоматическая активность, которая занимает все время;
- моторная активность;
- звуковая активность, которая задействует слуховое восприятие сильных, яростных, насильственных звуков.

Рокки играет нечто вроде тяжелого рока под названием «The Dead». Это самая резкая, самая оглушающая и самая повторяющаяся форма тяжелого рока. Сама музыка сведена к минимуму в пользу скорости и повторения. Рокки превращает свои руки в ритмичную машину, в запрограммированную и автоматизированную двигательную машину.

Повторение оглушающего шума имеет особое значение. Количество сломанных им палочек свидетельствует о ярости звуков, которые он ищет, о резкости и о буйстве его деятельности в области моторики и перцепции. Под предлогом увлечения музыкой (он ею действительно слегка заинтересуется, но намного позже) его поведение повторяет в шуме и грохоте не проработанный и психически не связанный несчастный случай. Так он с помощью игры пытается совладать с возбуждением, которое осталось несвязанным после травмировавшей его аварии; у этого возбуждения не было другого выхода, кроме формирования травматического невроза.

В качестве активной телесной и сенсорной техники шум и действие ударного инструмента позволяют установить первый уровень связей между ощущениями в теле и перцепцией травматического возбуждения, до того «несвязываемого», через систему мысленных репрезентаций. *Это и есть характеристика приемов самоуспокоения.* Мы также констатируем тот факт, что этот прием позволяет Рокки обрести такой уровень функционирования и такую форму выражения, при которых моторика и сенсорика находятся на первом плане и остаются неразрывно связанными.

Связи и циркуляция ментальных репрезентаций, как мы увидим позже, разовьются впоследствии, но на данной стадии Рокки тратит всю свою энергию и все свои ресурсы на это бесконечное соло для ударных инструментов.

Об одиночных гребцах

В каждом жесте ударника мы можем увидеть действие с ритмом на два счета, которое, как и в других успокоительных приемах, вызывает рост напряжения и возврат к спокойствию. Ритм на два счета мы также находим в повторяющейся моторной деятельности одиночного гребца.

В статье Мишеля Фэна (Fain, 1992), в которой вводится и описывается понятие «успокоение», в самом ее начале автор размышляет о процедуре убаюкивания младенца при ранней бессоннице с помощью материнского укачивания. Обращение к этой статье представляется мне очень полезным, так как оно позволяет связать проблему успокоительных приемов со способом, которым передаются сообщения о беспокойстве от матери к ребенку. Я возвращаюсь к рассказу Жерара Д'Абовилля о том, как он засыпает во время своего одиночного плавания, опубликованному в газете «Либерасьон»: «Часто наблюдался один и тот же сценарий. Надвигается гроза. Ночь. Д'Абовилль пытается дремать. <...> Волны нарастают. Из предосторожности он ложится ногами вперед, чтобы в случае увеличения наклона ослабить удар о перегородку сапогом, а не затылком. В лучшем случае все внутри каюты ходит ходуном <...>. В худшем – вода бьет ключом через иллюминатор».

Следовательно, Д'Абовилль получает удар при каждом движении вперед и назад. Так он подвергается своего рода укачиванию. Ситуация далека от нежности напеваемых матерью колыбельных песенок, более того, суровые условия такого засыпания напоминают поведение детей, которые сильно и ритмично бьют себя по голове или бьются головой о стенку, выполняя таким образом ритуал для засыпания. Эти движения являются ранними проявлениями саморазрушения. Описывая таких детей, Мишель Фэн формулирует гипотезу о том, что их движения являются неким видом «интернализации укачивания, что ведет, по его мнению, к «идее интериоризации давящего возбуждения» этого укачивания, «по своей реализации аналогичного чистому инстинкту смерти».

Согласно М. Фэну, существует разница между «укачиванием, которое посредством этого специфического возбуждения снижает уровень возбуждения до самого низкого», и битьем себя по голове или головой обо что-то, «направленного на достижение физической боли, что, безусловно, связано с некой формой первичного мазохизма».

Это различие не всегда бывает легко установить. Самоуспокоительный прием, особенно в его самых аутоагрессивных формах, может содержать на начальном этапе, еще до достижения спокойствия, аккумуляцию возбуждения (мышечные судороги и напряжение, как в примерах с игроком на ударнике Рокки и с одиночными гребцами). Процесс самоуспокоения может доходить до поиска физической боли и даже, возможно, до ощущения «по ту сторону физического страдания», граничащего с чувством удовольствия³.

Таким образом, самоуспокоительный прием, как мне кажется, можно представить как двухтактный механизм, который сначала разъединяет влечения, прерывает их взаимосвязь, а затем связывает их вновь. Но эта активность является не психической, а поведенческой.

По мнению Мишеля Фэна, именно качество интериоризированного укачивания придает успокоительным приемам более или менее оператуарный вид. Следуя этой идее, мы можем

³ В конце данной главы я рассматриваю этот аспект поиска физической боли при самоуспокоительных приемах как форму безобъектного аутосадизма, а в седьмой главе я значительно развиваю идею самоуспокоительного использования самоспрогнозированной физической боли.

предположить существование некой личной связи индивидуума с укачиванием, которое имеет отношение к матери или, скорее, к цензуре матери, вновь ставшей любовницей. Цензура, определяющая существование движений регрессии, дает место активности мышления в противоположность регрессии, остающейся строго поведенческой и проявляющейся на уровнях перцепций и моторики.

Другими словами, каждый индивид имеет свою персональную связь с материнским укачиванием, несущую отпечаток его двойной природы. Мать, укачивая своего ребенка, передает ему, как подробно объяснил М. Фэн, все то, что связано со смыслом жизни, эротикой и влечениями самосохранения, а также то, что является манифестацией инстинкта смерти. Когда преобладает последний аспект, под его давлением повторяющееся поведение стремится заместить мышление.

Что же остается от мысли? Каким является, например, способ мышления Рокки, когда он, будучи один, часами бьет по барабанам, хотя, насколько я могу судить, у него не особо развито воображение и фантазирование?

Известный велосипедист Джино Бартали разработал технику езды, при которой он толчком, подпрыгивая, приостанавливал вращение педалей через каждые десять оборотов. Следовательно, ему надо было все время считать, что, похоже, приводило его психику в то же состояние программирования, автоматизма и повторения, в котором находились его ноги.

Мне кажется, что мышление музыканта, играющего на ударных инструментах, частично имитирует ту же модель.

Что касается Жерара Д'Абовилля, то «автоматизм» и «повторение» являются слишком слабыми словами, чтобы охарактеризовать его деятельность, которая состояла в том, чтобы, исходя из расчета семнадцати гребков в минуту, делать в день семь тысяч гребков веслами, чтобы покрыть дистанцию в десять тысяч километров. Такая запрограммированная физическая активность, по-видимому, сопровождается аналогичной активностью мысли, осуществляющей некий автоматический пилотаж. Он пишет: «Все время тот же припев, постоянно тот же ритм метронома <...>, тело вибрирует, как машина, и ум функционирует, подобно калькулятору. Он делает все подсчеты».

Этот способ мышления состоит из постановки для себя краткосрочных целей, как это делал Д'Абовилль: «Пройти треть маршрута. Дойти до второй части. До трех четвертей. До 9/10. До 99/100. И так далее».

Он говорит: «Это другое время, где минуты складываются в часы, часы в дни, дни в месяцы».

Возвращаться издалека

«Другое время», похожее на вечность, «другой мир, похожий на ад». Можно подумать, что одиночный гребец заявляет о том, что он возвращается из пределов смерти.

«Смерть» – позже Рокки напишет это слово жирными буквами на своих куртках и джинсах, когда он сможет дать ей имя, связанное с символикой тяжелого рока. Пока что она является той силой, инстинктом смерти, которая превращает его в запрограммированную машину, как она это делает с одиночным гребцом или с младенцем, укачиваемым при бессоннице.

Ударные инструменты выполняют для Рокки функцию поиска такого укачивания. Безусловно, с меньшими нюансами, нежели те, которые находит для себя одиночный гребец, для кого укачивание может быть тихим, мягким и сексуализированным, как море в ясную погоду, а иногда резким и грубым, как при десятиметровых волнах. Спокойный или бурный, поиск смерти является поиском «долгого сна», как говорит М. Фэн, чтобы обозначить идеал оперативного сна, добытого оперативным укачиванием.

Это свойство присутствует в большом числе самоуспокоительных процедур, и именно поэтому его отнесение к укачиванию кажется мне неизбежным, когда мы говорим об этих процедурах. С одной стороны, самоуспокоительные процедуры, похоже, являются продолжением или заменителем укачивания, а с другой стороны, двойное послание материнского укачивания – эротизация и манифестация влечения к смерти – находится в самом центре этих процедур.

Мысль М. Фэна относительно интериоризации качеств укачивания кажется мне важной, так как она иллюстрирует влияние того, что передано матерью. Тем не менее это полезно также учитывать в более глобальном контексте сенсомоторной активности индивидуума. Модель укачивания позволяет понять, как каждый младенец строит для себя в процессе обмена со своей матерью нечто вроде личного сенсомоторного кода. Этот выбор оставляет свой отпечаток на поведении, потенциально являющемся самоуспокоительной процедурой, которую можно будет использовать в случае необходимости, если ментальная регрессия не сработает.

Крах фантазма быть успокоенным матерью и самоуспокоительная процедура

Успокаивать самого себя – значит играть с самим собой в дочки-матери. Внутренняя мать укачивает внутреннего ребенка и говорит ему, что «во всем этом ничего страшного нет». Но эта фантазматическая деятельность является более или менее действенной. Самоуспокоительная же процедура типа самоукачивания используется тогда, когда обнаруживается крах или недостаточность фантазирования об успокаивающей матери. В то время как в мысли об успокоении обе части двойного материнского укачивающего послания связаны друг с другом, в самоуспокоительном акте они разъединены. *Дефект психической связи, которая могла бы реализоваться через фантазм*, но не реализуется из-за недостаточности фантазийной деятельности, ведет к попытке установления связи с помощью самоуспокоительных процедур, но на сей раз связывание происходит на поведенческом уровне между эротическим и смертоносным аспектами влечений. Но, несмотря на это, данная процедура не в состоянии сохранить хотя бы какой-то намек на присутствие влечений, они развязаны, рассоединены на психическом уровне, и, что для нас наиболее важно, из-за развязывания влечений торжествует «чистая культура инстинкта смерти».

Следовательно, речь идет о том, чтобы физически, телесно с помощью перцепции и моторики вновь обнаружить в материальной реальности материнское укачивание, которое не смогло привести к тому, чтобы произошла психическая интроекция позитивного опыта.

Процесс одиночества

Тот, кто использует самоуспокоительные процессы, находится в состоянии регрессии с уровня психики на уровень поведения в отличие от регрессии, вызывающей активность мысли. В этом состоянии часто отсутствует возможность общения и вербализации, как в случаях с Рокки и с одиночным гребцом. Часто бывает сложно установить связь и общаться с теми, кто полностью погружен в самоуспокоительное, навязчиво повторяющееся поведение. Родители детей, которые бьются обо что то головой, достаточно часто говорят об этом.

Свидетельство другого одиночного гребца показывает, что бывают случаи, когда не происходит опустошения мысли и когда восстанавливается реляционная коммуникация. Речь идет о рассказе Ги Лемонье, который едва не потерпел неудачу во время попытки переплыть Атлантику на веслах в 1987 году: «Страх приходит в первую ночь. Ты не спишь, ты лишь прислушиваешься к шумам <...> Во время пятидесяти шести дней пребывания в море я провел тридцать ночей, пытаясь уловить шум грузового судна. Глухой, приглушенный и отдаленный шум.

Я садился за весла и ждал, что шум приблизится. Это изматывало нервы». Лемонье также сообщает: «Ты размышляешь, ты себя анализируешь, ты думаешь о тех людях, которым ты причинил зло, ты открываешь себя таким, какой ты есть. Любая мелочь становится странным образом важной, ты делаешься сверхчувствительным, ты смеешься или плачешь из за пустяка. Ночью я слышал голоса. Мне казалось, что я схожу с ума. Я выходил с электрической лампой. Я заплакал, когда узнал, что смогу связаться с женой по радиосвязи. Затем ты льешь слезы по пустякам, из за заката солнца, например».

Это рассказ растерянного человека. Рассказ, вскрывающий, возможно, некоторые причины его неудачи. Ги Лемонье описывает свою неспособность отключиться, можно сказать – невозможность прийти к чему-то вроде реляционного аутизма, неспособность не чувствовать больше, не думать, во всяком случае не думать об отношениях с другими людьми вкупе с их аффективной нагрузкой. Худшим врагом одиночного гребца, надо признать, является он сам. Его провал будет обусловлен тем, что ему не удастся, несмотря на отдаленность всех людей, ввести себя в психическое состояние, близкое к расщеплению и, может быть, еще более близкое к оператuarной жизни.

Отсюда следует перцептивная сверхбдительность, направленная на опасность, которая объективируется и вызывает тревогу. Эта опасность принимает объектную форму грузового судна в ночи. В этом смысле, безусловно, существует разница между тем, что чувствовал Лемонье, и более смутным состоянием страха отчаяния человека, озадаченного тем, чтобы помочь самому себе перед лицом надвигающейся опасности. Эту разницу хорошо иллюстрирует венгерская поговорка, в которой Ференци усматривает эквивалент фрейдовской теории фобических страхов: «Страх бывает предпочтительнее ужаса»⁴.

Поиск чувства страха входит не во все самоуспокоительные процессы. Он присутствует лишь в тех, которые связаны с травматофилией⁵. То, на что нацелен страх, – это страдание. Эта цена, которую следует заплатить для того, чтобы наконец обрести ускользающее чувство безопасности.

Некоторые люди, как, например, Титуан Ламазу, путешественник-одиночка, приветствуют этот страх, «с которым начинаешь жить, который учишься любить и приручать», и совладание, которое приносит «успокаивающее блаженство».

Приручение страха, которое состоит в том, чтобы соотносить его с реальными опасностями, кроющимися в окружении, можно понять как защиту против ужаса подстерегающего отовсюду травматизма и как попытку придать ему форму, дать ему имя.

Разновидность зависимости

Ламазу также упоминает о компульсивном влечении одиночного гребца к повторению своего опыта и к тому, чтобы вновь отправиться на поиски страха и пережить успокоение оно. Он говорит о поиске страха, как наркоман говорил бы о наркотиках.

Для Фредерика Герэна, одиночного гребца, «гresti быстро стало подобно наркотику <... > ужасающему и незабываемому, так как у тебя нет выбора»⁶.

Травматофилический процесс подобен акту токсикомании: оба способствуют регрессии в поведении и оба успокаивают, не принося удовлетворения. Однако самоуспокоительное поведение нельзя считать адекватным способом реагирования.

⁴ Correspondance Freud – Ferenczi. 1908. 3 Febr. P. 6.

⁵ Сегодня, в 1998 году, я думаю, что все самоуспокоительные процессы являются травматофильными, что будет показано в последующих главах.

⁶ «Libération». 1991.22.11.

Мне кажется, что обнаруженное соотношение между поиском страха и страдания и инстинктом самосохранения является настолько своеобразным, что можно даже говорить почти что о «перверсии» последнего. Не вдаваясь в подробности, в рамках данной работы я отсылаю читателей к понятию неонужды Д. Брауншвейг и М. Фэна, нужды, которая вопреки инстинкту самосохранения обнаруживается как зависимость (Braunschweig, Fain, 1975, p. 264).

Мы часто замечаем у детей, которых консультируем в Парижском институте психосоматики (IPSO), как определенный тип родительского послания ведет к развитию особенного влечения к тому или иному способу возврата к спокойствию. Определяющим является то, каким образом родители способствуют или тормозят развитие того или иного эротизма. Когда развитие эротизма затормаживается, он заменяется требованием ребенка к своей матери, когда ребенок настаивает, чтобы мать действовала определенным образом (активным или пассивным). Это требование следует понимать как декларацию о зависимости от матери в качестве реального внешнего объекта, поскольку внутренняя репрезентация этого объекта оказалась более или менее неудачной.

Пример: малыш двух с половиной лет обследуется по поводу экземы. У него наблюдается моторная гиперактивность, во время консультации он находится в постоянном движении. Он активно сосет пустышку, которую родители дают ему каждый раз, когда он принимается сосать свой большой палец. У них существует предубеждение, что сосание большого пальца может вызвать деформацию неба ребенка, что побудило родителей очень рано запретить ему это. Также бросается в глаза, что ребенок садится на колени к своей матери лишь тогда, когда полностью истощается. Мать мало с ним разговаривает, и основное, что они делают вместе, – это ходьба. Ребенок пытается вновь обрести спокойствие посредством двигательной активности и требует, чтобы все считалось с его потребностью в этой активности, что соответствует, впрочем, предпочтениям, навязанным ему матерью.

Вот наглядный пример того, как неонужда, созданная у ребенка, мешает установлению аутоэротизма.

Другой пример: малыш тринадцати месяцев, страдающий спазмом всхлипывания⁷. Во время консультации он постоянно двигается, проявляя моторную гиперактивность. У него обнаруживается опережающее моторное развитие. Он не успокаивается ни на коленях у матери, ни на коленях отца. Мать, не очень-то нежная, берет его на руки лишь тогда, когда он подает признаки усталости, так как консультация проводится в час его обычного послеобеденного сна. Как они успокаивают его дома? У ребенка имеется тяга или предрасположенность к музыке, и его укладывают спать с ее помощью. Для этого широко используются музыкальные шкатулки и всякого рода музыкальные предметы, приводящиеся в действие при помощи веревочки или заводного механизма. У родителей всегда есть с собой такой предмет. Они пришли на консультацию с радио для детей, и ребенок успокаивается, когда к его уху прикладывается это кричащее радио. В целом консультация подтверждает тот факт, что отношения с матерью не являются успокаивающими и что лишь возбуждение, похоже, может действительно успокоить этого ребенка.

Этот пример показывает то, что, возможно, является преформой будущего токсикоманического использования музыки. Случай с этим ребенком ставит и другую проблему – устройства системы противозвуждения, настолько особенной, что она могла бы привести к травматофилии.

⁷ При плаче может внезапно потерять сознание. Такие приступы часто появляются у детей, когда им говорят «нет». Необходимо дифференцировать с эпилептическими приступами.

Добровольный травматизм

Действия Рокки также направлены на поиск травматизма, когда он производит звуки, которыми наполняет свою голову. Таким образом, с одной стороны, он провоцирует повторение той аварии, с другой – держит ее на расстоянии и удаляет из своих мыслей.

Иногда один процесс может заменять другой, только бы он оставался на поведенческом уровне. Одинокый гребец Фредерик Герэн хорошо это понимает, когда объясняет, к какому замещающему средству самоуспокоения он прибегнул, когда не смог использовать для этих целей весла. Его несло по течению безо всякой возможности какого-либо действия: «По прошествии четырех дней, в течение которых не было никакой возможности встать на якорь, – пишет он, – чтобы избежать нежелательных психических сдвигов, я каждый день выходил и кричал что было сил, чтобы высвободить ту энергию, которая была во мне».

Эти слова, как видно, подчеркивают важность экономического аспекта протекающих процессов и необходимость найти другой поведенческий путь для выхода напряжения.

Рассказ Алена Бомбара, добровольно в одиночку пересекшего Атлантику и питавшегося сырой рыбой и планктоном, напоминает симптоматику травматического состояния. Он описывает свой опыт как возврат из ада, но ад продолжился для него и после возвращения. Известно, что по окончании плавания он долго страдал не только депрессией, но также и соматической дезорганизацией. Бомбар рассказывал, что в течение пяти лет у него сохранялось физиологическое расстройство желудка и что он навсегда потерял способность к засыпанию. Он также сообщил, что познал период отказа от борьбы за жизнь и смирения со смертью перед тем, как совершил последний и решающий рывок к выживанию. Повсюду в его рассказе царит отчаяние.

По его мнению, именно опыт добровольной имитации крушения и последовавшего за этим одиночного плавания является причиной травматизма, изменившего все в его жизни. То был опыт, который травматический невроз закрепил посредством бесконечного повторения. Но это объяснение Бомбара исключает все, что предшествовало его авантюре, а именно мотивы, благодаря которым он решился подвергнуть себя такому травматизму.

Я не думаю, что травматическое состояние тех, кто превращает себя в машину для изнуряющей гребли, является лишь следствием опыта одиночного плавания. В определенном числе случаев синдром «одинокого галерщика» должен предшествовать этому опыту, смысл которого в том, чтобы найти объект во враждебном окружении, в данном случае – в одиночном экстремальном заплыве, который превратит предшествующие страхи и диффузное безобъектное отчаяние во вполне понятное и объектное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.